

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В КОТОРОЙ ПАРАСОЛЬ
ОКАЗЫВАЕТСЯ ПОЛЕЗНЫМ

Мисс Алексия Таработти вовсе не наслаждалась тем, как проводит вечер. Для старых дев вроде нее частные балы всегда были сомнительным развлечением, но сегодня мисс Таработти не могла извлечь из происходящего даже толики радости. Вышло так, что она попала из огня да в полымя: удалилась в библиотеку, где надеялась, как обычно, найти надежное прибежище, но ни с того ни с сего столкнулась там с вампиром.

Мисс Алексия сердито воззрилась на него.

А вот для вампира бал благодаря встрече с мисс Таработти стал гораздо интереснее. Еще бы, ведь она сидела в библиотеке совсем одна, одетая в вечернее платье с глубоким вырезом.

Увы, бедолага не догадывался, что мисс Алексия родилась без души — а от таких дам любому приличному кровососу нужно держаться подальше.

Приготовившись к нападению, вампир двинулся вперед, в библиотечной полумгле злобно и мрачно блеснули его клыки... Однако стоило злодею коснуться мисс Таработти, как он застыл на месте, глупо шаря во рту языком в поиске клыков, которые исчезли совершенно необъяснимым образом. Аккомпанементом для этой сцены послужили еле

слышные звуки струнного квартета, доносившиеся из бальной залы.

Мисс Таработти нисколько не удивилась: бездушные всегда нейтрализует сверхъестественные способности. Она бросила на вампира суровый взгляд. Конечно, большинство обитателей дневного мира сочли бы ее всего лишь обычной английской аккуратисткой, но неужели этот глупец не потрудился даже *ознакомиться* с официальным списком опасных для кровососов явлений Лондона и его немаленьких окрестностей?

Вампир довольно быстро пришел в себя. Он отпрянул от Алексии, опрокинув стоявший рядом сервировочный столик. Когда физический контакт прервался, клыки прорезались вновь. Мозгов их обладателю явно не хватало, поскольку он метнулся к шее мисс Таработти, будто змея, набрасывающаяся на добычу.

— Я бы попросила! — возмущенно воскликнула Алексия. — Мы с вами даже не представлены друг другу!

Надо сказать, что еще ни один вампир не пытался укусить мисс Таработти, хотя с парой из них она была шапочно знакома, а с лордом Акелдамой даже дружна. Впрочем, *кто не дружен с лордом Акелдамой?* Но ни один вампир до сих пор не попытался на ней *кормиться!*

В результате ненавидевшей насилие Алексии пришлось вцепиться этому негодяю в ноздрю, чувствительный и потому болезненный участок тела, и отшвырнуть его прочь. Вампир загнулся о перевернутый сервировочный столик, потерял равновесие и не по-вампирски неуклюже грохнулся наземь, угодив точнехонько на пирог с патокой.

Именно это огорчило мисс Таработти больше всего. Она особенно любила пирог с патокой и уже предвкушала, что вот-вот приступит к нему. Алексия схватила свой зонтик от солнца — парасоль. Конечно, притащить этот аксессуар на вечерний бал было вопиющим дурновкусием, но мисс Таработти редко выходила без зонтика. Он был четко выдержан в изобретенном ею самой стиле: черный, изящный, весь в оборках, с вышитыми тут и там атласной нитью фиалками, медной фурнитурой и крупной дробью в серебряном наконечнике.

Алексия ударила вампира по макушке в тот самый миг, когда он намеревался установить определенную дистанцию между собой и сервировочным столиком, который внезапно стал ему так близок. Благодаря дробь медный парасоль был достаточно тяжелым, и при ударе раздалось ласкающее слух глухое хрясь.

— Ну и манеры! — заявила мисс Таработти.

Вампир взвыл от боли и снова уселся на пирог с патокой. Воспользовавшись полученным преимуществом, Алексия злобно ткнула его парасолем между ног. Вой вампира перерос в визг, а сам он свернулся в позу эмбриона. Хотя мисс Таработти и была истинной леди, англичанкой до мозга костей (если не считать отсутствия души и наполовину итальянского происхождения), она много времени посвящала верховой езде и прогулкам, а потому была весьма крепкой особой, не в пример другим юным аристократкам.

Мисс Таработти прыгнула вперед, насколько это позволяли трехслойная нижняя юбка, пышный турнюр и сборчатая верхняя юбка из тафты, и склонилась над вампиром. Тот извивался, нескромно

схватившись за ту часть тела, которой не принято касаться, находясь в приличном обществе. Благодаря сверхъестественной способности вампира к исцелению мучиться ему предстояло недолго, но покуда его терзала самая что ни на есть жестокая боль.

Алексия вытащила из своей затейливой прически простую, похожую на карандаш деревянную шпильку, исключительно большую и острую. Удивляясь собственной беззастенчивости, мисс Таработти разорвала на вампире рубашку, дешевую и слишком сильно накрахмаленную, и ткнула его шпилькой в грудь, туда, где сердце. Свободной рукой она для верности коснулась голой кожи негодяя, раз уж только физический контакт лишал его сверхъестественных способностей.

— Немедленно прекратите этот ужасный шум, — приказала она.

Вампир перестал визжать и лежал теперь совершенно неподвижно. Его прекрасные голубые глаза слегка слезились, а взгляд был устремлен на деревянную шпильку. Алексия любовно называла ее «мой колышек».

— Объяснитесь! — потребовала мисс Таработти и усилила нажим.

— Тысяча извинений... — вампир, казалось, был смущен. — Кто вы такая?

Он неуверенно проверил, как обстоят дела с его клыками. Те отсутствовали. Чтобы ситуация окончательно прояснилась, Алексия убрала руку с его груди (оставив, впрочем, на месте острую шпильку). Клыки выросли вновь. Вампир удивленно ахнул:

— *Что* вы такое? Я принял вас фа явившуюся в одиночестве барыфню. Окажись вы настолько

беффаботны, кормиться на ваф было бы моим правом. Профу профтить мою дерзость, — прошепелявил он (чисто выговаривать слова мешали клыки), и в его глазах отразилась настоящая паника.

Алексия, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться над произношением поверженного вампира, сказала:

— К чему этот преувеличенный драматизм? Не нахожу для него никаких оснований. Королева вашего роя должна была рассказать вам о таких, как я.

Она еще раз коснулась груди вампира. Его клыки втянулись.

Вампир посмотрел на Алексию так, будто она внезапно вырастила усы, как у кошки, и зашипела на него.

Мисс Таработти удивилась. Сверхъестественные создания, будь то вампиры, оборотни или призраки, обязаны своим существованием переизбытку души, не желающей умирать. Большинство из них знало о таких, как мисс Таработти, которые родились вовсе без души. Глубокоуважаемое Бюро регистрации противоестественного (БРП), подразделение Министерства по делам государственной службы ее королевского величества, называло таких, как она, «запредельными». Алексия находила этот термин вполне почтительным. То, как называли ее вампиры, звучало куда менее лестно. Как-никак, запредельные некогда на них охотились, а у кровососов долгая память. Понятное дело, тех, чья жизнь происходила при свете дня, умышленно держали в неведении, но любой достойный своей крови вампир, по идее, должен был знать о прикосновении запредельных. Будто обращаясь к несмышленому малышу, Алексия сказала:

— Я — *запредельная*.

Вампир, казалось, смутился.

— Конечно, вы именно такая, — согласился он, явно недопонимая ее. — Еще раз примите мои извинения, дорогая. Я потрясен нашей встречей. Вы у меня первая, — он слегка запнулся перед следующим словом, — *запредельная*, — вампир нахмурился. — Конечно же, вы не сверхъестественная и не естественная. Как глупо с моей стороны было не заметить этого. — Теперь он, лукаво прищурившись, старательно игнорировал шпильку, умильно глядя Алексии в лицо.

Мисс Таработти прекрасно знала цену своей женской привлекательности. Лучшим комплиментом ее внешности было бы слово «экзотическая»; Алексия и не мечтала, что ее назовут «прекрасной», — нет, ни при каких обстоятельствах. Впрочем, ее и экзотической ни разу не назвали. Она не без оснований полагала, что вампиры, как всякие хищники, становятся особенно очаровательными, когда их загоняют в угол. Рука вампира метнулась к ее шее. Он определенно решил, что, раз уж крови ему не видать, придется прибегнуть к удушению — а что, вполне приемлемая альтернатива! Мисс Таработти отшатнулась и одновременно сильнее нажала на свою шпильку, на поддьюма вонзив ее в белую плоть атакующего. Вампир отреагировал отчаянным рывком, и Алексия, несмотря на свою *запредельную* силу, не смогла удержать равновесие. Ноги, обутые в балльные бархатные туфельки на каблуках, разъехались, и она упала на спину. Вампир стоял, ревя от боли, и из его груди торчала воткнутая наполовину деревянная шпилька.

Неизящно барахтаясь среди чайных принадлежностей, мисс Таработти принялась нащупывать свой парасоль. Она надеялась, что новое платье избежит контакта с пирогом и другими гастрономическими шедеврами. Найдя зонтик, Алексия поднялась и одновременно широко им размахнулась. По чистой случайности тяжелый наконечник парасоля угодил прямо в торчащую шпильку, и та пронзила вампиру сердце.

Кровосос застыл на месте, и на его привлекательном лице возникло выражение крайнего удивления. Потом он навзничь плюхнулся на блюдо с многострадальным пирогом, обмякнув среди патоки, будто переваренная спаржа. Его алебастровая кожа сделалась изжелта-серой, как при желтухе, и он замер. В книгах такой конец жизненного цикла вампиров назывался деанимацией. Алексия, которая прежде думала, что этот процесс поразительно напоминает проседание суфле, в этот миг решила назвать его грандиозным коллапсом.

Она намеревалась в темпе вальса отбыть с поля боя, чтобы никто ее не заметил. Да, она теряла свою лучшую шпильку и лишилась вполне заслуженного чаепития — зато, по крайней мере, ей удалось бы избежать скандала. К несчастью, в этот самый миг в комнату ввалилась небольшая компания денди. Оставалось лишь догадываться, что молодым щеголям могло понадобиться в библиотеке. Алексия подозревала, что они, скорее всего, заблудились, направляясь в салон, где шла карточная игра. Так или иначе, их появление заставило мисс Таработти сделать вид, будто она тоже только что обнаружила мертвого вампира. Смирившись с неизбежностью,

Алексия пожала плечами, вскрикнула и упала в обморок.

Она решительно и бесповоротно пребывала в беспомощности, невзирая на нюхательные соли, от избытка которых у нее заслезились глаза, сведенную судорогой ногу и тот факт, что ее новое бальное платье погибло. Все эти бесчисленные зеленые воланы (последний писк моды!), более светлые, чем лиф, ужасно измялись и потеряли пышность под весом ее тела. О том, что происходит вокруг нее, она судила на слух: по восклицаниям, шумной возне вокруг тела и громкому звяканью — это одна из горничных убирала последствия крушения сервировочного столика.

Затем раздался звук, который Алексия наполнила предвкушением, а наполовину, наоборот, боялась услышать. Властный голос изгнал из библиотеки и денди, и остальных любопытных, которые навели в помещение, обнаружив там интригующую сцену. Голос не терпящим возражений тоном велел всем «убраться», покуда он будет «выяснять у юной леди все обстоятельства».

Воцарилась тишина.

— Поверьте на слово, я использую нечто куда более сильное, чем нюхательные соли, — прорычал над левым ухом мисс Таработти низкий голос с легким шотландским акцентом. Вечно он тут как тут, этот Конолл Маккон, четвертый граф Вулси!

Будь у Алексии душа, этот рык заставил бы ее содрогнуться и погрузиться в обезьяньи мыслишки, в которых фигурируют луна и долгий быстрый бег. Вместо этого она издала раздраженный вздох и села:

— И вам добрый вечер, лорд Маккон. Прекрасная нынче стоит погода для этого времени года, не так ли?

Она пригладила волосы, норовившие сползти на плечи из-за отсутствия шпильки, и украдкой оглянулась по сторонам в поисках профессора Лайалла — помощника лорда Маккона. В присутствии своего беты Маккон был склонен вести себя гораздо сдержаннее. Вообще Алексия пришла к выводу, что, похоже, сдерживание было основной функцией беты — особенно когда дело касалось лорда Маккона.

— А-а, профессор Лайалл, как приятно вновь с вами встретиться! — и Алексия с облегчением улыбнулась.

Профессор Лайалл, тот самый бета, худощавый рыжеватый джентльмен неопределенного возраста и доброго нрава, казался настолько же покладистым, насколько вредным был его альфа. Он улыбнулся Алексии и снял свою превосходного фасона шляпу из чрезвычайно практичного материала. С ней гармонировал умело завязанный галстук с весьма скромным узлом.

— Мисс Таработти, как отрадно снова оказаться в вашем обществе! — его голос звучал тихо и кротко.

— Прекратите потворствовать ей, Рэндольф, — рявкнул лорд Маккон.

Четвертый граф Вулси был гораздо крупнее профессора Лайалла. Он почти постоянно хмурился, во всяком случае в присутствии мисс Алексии Таработти. Такое положение вещей сложилось из-за инцидента с ежиком (в котором, по правде говоря, не было ее вины). В данный момент глаза лорда Маккона сердито взирали на Алексию со скандально близкого расстояния.

— Почему, интересно, мисс Таработти, если меня вызывают в связи с беспорядком в библиотеке, вы неизменно оказываетесь в нем замешаны? — требовательно спросил граф.

Алексия бросила на него испепеляющий взгляд и провела рукой по зеленой тафте платья, проверяя, не осталось ли на нем кровавых пятен. Лорд Маккон одобрительно наблюдал за движением ее руки. Возможно, мисс Таработти и вынуждена была каждое утро с изрядной долей недовольства разглядывать свое лицо в зеркале, но ее фигура нареканий не вызвала. Лорд Маккон с его широкой и страстной натурой не мог не признавать столь аппетитный факт. Увы, стоило мисс Таработти открыть рот — и отрадное впечатление всякий раз было безнадежно испорчено. Если верить скромному опыту графа, на свете не было женщины, более раздражающе многословной.

— Мило, но совершенно излишне, — произнес он, имея в виду ее стремление избавиться от несуществующих капель крови.

Алексия напомнила себе, что лорд Маккон и ему подобные лишь недавно приобщились к цивилизованному обществу. От них просто нельзя ожидать чересчур многого, особенно в деликатных ситуациях вроде нынешней. Конечно, это не касалось профессора Лайалла, который всегда был безупречно вежлив. Она с признательностью посмотрела в его сторону.

Лорд Маккон нахмурился еще сильнее.

Мисс Таработти полагала, что недостаточно культурное поведение лорда Маккона являлось следствием его происхождения. Ходили слухи, будто он

сравнительно недолго проживает в Лондоне и что явился сюда из самых варварских мест Шотландии.

Чтобы утихомирить своего альфу, профессор деликатно кашлянул. Граф уставился на него так, что казалось, сейчас прожжет в помощнике дырку.

— Да?

Профессор Лайалл опустил перед вампиром на корточки, с интересом изучая шпильку. Потом поковырялся пальцем в ране, обмотав руку безупречно белым батистовым носовым платком.

— Вообще говоря, беспорядок совсем невелик. Брызги крови практически отсутствуют, — он наклонился, принялся и констатировал: — Определенно, Вестминстер.

Граф Вулси, казалось, все понял. Он перевел пронзительный взгляд на мертвого вампира.

— Должно быть, он был очень голоден.

Профессор Лайалл перевернул тело.

— Что тут произошло?

Он извлек из жилетного кармана наборчик деревянных пинцетов и одним из них подцепил что-то на задней стороне брюк вампира. Потом еще порылся в карманах, вытащил миниатюрный кожаный футляр, открыл его, щелкнув кнопкой, и достал причудливый предмет, напоминающий защитные очки-гогглы. В золотистую оправу с правой стороны были вставлены многочисленные линзы, между которыми, кажется, находилась какая-то жидкость. Вдобавок это хитроумное устройство было оснащено крохотными кнопками и шкалами. Водрузив диопринную вещицу на нос, профессор Лайалл снова склонился к вампиру, умело подкручивая стрелки на циферблатах.